

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЦА: ЗНАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТ, РЕФЛЕКСИЯ

В.А. Мединцев

С позиции развиваемого автором культурно-диалогического подхода рассмотрены содержательные трактовки основных понятий, используемых для описания когнитивных процессов. Предложена психологическая трактовка знания как модели и произведения.

Ключевые слова: культурно-диалогический подход, знание, интеллект, рефлексия, модель, произведение.

С позиций культурно-діалогічного підходу, що розвиває автор, розглянуто змістовні трактування основних понять, використовуваних у дослідженнях когнітивних процесів. Запропоновано психологічне трактування знання як моделі та твору.

Ключові слова: культурно-діалогічний підхід, знання, інтелект, рефлексія, модель, твір.

From a standpoint of the culture-dialogical approach, developed by the author, the substantial treatments of the basic notions used for the description of cognitive processes are considered. The psychological treatment of knowledge as model and product is offered.

Keywords: culture-dialogical approach, knowledge, intelligence, reflection, model, product.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, кратко представлю важнейшие принципы подхода, в рамках которого проведено теоретическое исследование, а также содержание основных используемых понятий (см. [15] и др.). Человеческий индивид интерпретирован как развивающаяся на биологическом субстрате многоуровневая социокультурная система; он обладает *внутренним социумом* квазисубъектов (поэтому далее термин *индивид*, т. е. «неделимый», использован не будет). Во внутреннем социуме происходит создание *произведений*, в связи с чем он рассмотрен как культура, точнее как внутренняя сфера культурного пространства лица – *субкультура*. Внешнюю сферу такого пространства – *паракультуру* – образуют квазисубъекты субкультурных пространств других людей (т. е. их представления о данном лице и его произведениях). Структура культурного простран-

ства, динамические характеристики внутренних и внешних диалогических взаимодействий между квазисубъектами, продуктивные компоненты этих процессов (произведения) являются составляющими *личности – системного качества лица* (подробно о такой интерпретации личности см. [3], [15]). Все взаимодействия между квазисубъектами трактованы как диалогические, то есть символически опосредованные, протекающие в схематизме диалогов.

Принципы описания когнитивных процессов в культурном пространстве лица далее будут изложены в такой форме: сначала будет сформулирован *тезис*, затем его пояснение и определённая детализация – *комментарий*, затем будут рассмотрены основные реферативные материалы, связанные с проблематикой тезиса – *контекст*.

Тезис 1. Знания (лица) – это стереотипные диалогические взаимодействия в пределах его культурного пространства, модели его внешнего и внутреннего мира

Комментарий. Знанием здесь названо только то, что *уже стало* достоянием культурного пространства лица, то есть что уже сохранено – в этом состоит принципиальное отличие данной трактовки от традиционных. Диалоги между внутренним квазисубъектом Я (или его составляющими) и Другими внутренними квазисубъектами – это процесс, который одновременно является и знанием, и его хранением (в традиционном понимании знания и его хранения). Знаниями лицо обладает в том объёме и до тех пор, в каком объёме и пока в его культурном пространстве протекают стереотипные процессы взаимодействий квазисубъектов. Это многоуровневые – нейрофизиологические на глубинных уровнях – процессы на верхних уровнях будем рассматривать как тематически однородные «замкнутые» диалоги между агентами внутреннего социума, каковыми являются квазисубъекты, рассматриваемые как индивидуальные или коллективные. Тематическая однородность в данном случае означает монотематику: один диалог – одна тема; «замкнутость» – форма протекания ограниченного в развитии диалога (диалогический стереотип).

Такие стереотипизированные внутренние диалоги являются *моделями* фрагментов окружающего мира и себя самого. Каждая модель в принципе может быть рассмотрена в трёх формах: идеальной, материализованной, материальной. Знания существуют (а

значит, хранятся) в *материальных моделях* – нервных процессах и соответствующих диалогических взаимодействиях квазисубъектов, а также в онтологически связанных с последними *идеальных моделей* (в частности, образах).

Таким образом, *лицо – активная система – моделирует свой внешний и внутренний мир и «хранит» модели во внутренних диалогах.*

Знания *коммуникативны* (формируются во внутренних взаимодействиях квазисубъектов и межиндивидном общении); *пронизаны смыслами* (для каждого из взаимодействующих квазисубъектов и для лица в целом), *рефлексивны* (см. Тезис 4).

С каждым внутренним квазисубъектом связана некая часть знаний – это знания родителей, учителей, коллег, авторов книг и учебников и мн. др. Субъектная отнесённость некоторых знаний со временем может быть редуцирована, они становятся деперсонализированными. Такие знания будем рассматривать в качестве достояний квазисубъекта Я и составляющих его квазисубъектов более низких масштабных уровней.

Контекст. Не вдаваясь в многочисленные нюансы и контроверзы *эпистемологических* трактовок понятия *знание*, отмечу, что под последним в самом общем виде подразумевают результаты познавательной активности человека, проверенный практикой результат познания действительности, проверенную информацию о чём-либо. В философской традиции к основным свойствам (или условиям) знания со времён платоновского «Теэтета» относят *убеждённость, правдивость и проверяемость* (см., например, статью «Knowledge» в [27]). Типологически различают житейские,донаучные, художественные, научные знания – последние, разумеется, представляют особый исследовательский интерес, им посвящена большая часть работ. В кругу обсуждаемых современными философами относятся, к примеру, вопросы процессуальной фрагментарности знания, его построение из частей и неполнота [7], знание рассматривают как сочетание «первичных фактов» наблюдения и «мыслезнания», анализируют его информативную и смысловую составляющие, образно-дискурсивный характер [11].

В психологической науке разработке понятия *знание* уделяют, как представляется, недостаточно внимания, сосредотачивая его, главным образом, на исследованиях познавательных процессов (обретение знания) и механизмов памяти (сохранение знания). В сформулированной в первом тезисе психологической трактовке

знания отражено понимание и его структурно-функционального содержания (модель элемента мира), и суть процесса сохранения (непрерывный внутренний диалог). Отмечу, что в когнитивной психологии остаётся актуальной проблематика категоризации и репрезентации знаний, которые рассматривают как сохранение, интеграция и организация информации в памяти [20]. Подобной, но более чёткой, представляется трактовка Г. А. Баллом знания как *иерархически структурированной информации*, где информация – это структура, которая может быть передана от одного объекта другому [3]. Полагаю, моя трактовка знания (взаимодействия, являющиеся моделью) согласуема с «информационной» в том смысле, что модель может быть иерархически структурированной (субъект и предикат как составляющие реплик диалога), а в материализованной форме быть носителем информации между объектами. Уместно и сравнение трактовки знания как модели (в том числе материальной) с тем фундаментальным онтологическим статусом, которым наделяет это понятие Д. Дойч, утверждая: «физически особенно не живая материя, а материя, несущая знание» [8, с. 193].

Что касается моей интерпретации «хранения знания», то она отчётливо корреспондирует с рядом известных описаний механизмов памяти. В частности, ещё С. Л. Рубинштейн рассматривал сохранение не как пассивное хранение материала, а как динамический, определённым образом устроенный процесс, в рамках которого возможна как негативная (забывание), так и позитивная (реминисценция) динамика [18]. Содержательно близки и трактовки памяти как совокупности деятельностей, включающих биофизиологические и психические процессы, суть которых состоит в том, что «некоторые предшествующие события, близкие или отдаленные во времени, существенным образом модифицировали состояние организма» [24, 583].

Помимо сходства, следует отметить и существенное отличие заявленной «модельной» трактовки знания от упомянутых содержательно ей близких. И в деятельностной, и в более широкой, предложенной С. Л. Рубинштейном, и в современных когнитивных интерпретациях к механизмам сохранения (памяти) отнесены также и те, которые обеспечивают освоение и овладение материалом, его переработку и отбор, обобщение и конкретизацию, систематизацию и детализацию. В развиваемом мной подходе эти действия отнесены к разряду интеллектуальных процессов.

Тезис 2. Интеллект – это способность трансформировать знания

Комментарий. На каждом этапе, в каждый момент онтогенеза в психике функционируют прежде сформированные стереотипные диалогические взаимодействия: все внутренние квазисубъекты непрерывно взаимодействуют – непосредственно и опосредованно через других. Когда под воздействием эндогенных или экзогенных факторов нарушается устойчивое течение этих взаимодействий, участники пытаются восстановить равновесие путём изменения параметров своей активности. Результатом может быть как восстановление нарушенного течения процесса, так и формирование на его основе нового. Каждый новый процесс – это результат трансформации стереотипного: обогащая или обедняя (усложняя или упрощая) свои взаимодействия, квазисубъекты совершают интеллектуальные процедуры. Иначе говоря, *внутренние квазисубъекты совершают интеллектуальные действия, преобразуя свои знания.* Среди такого рода операций: отбор знаний (тем и форм внутренних диалогов), их обобщение и конкретизация, систематизация. Интенсивность взаимодействий, степень и характер активности каждого участника различны в зависимости от внешних условий и психологических состояний лица (т. е. состояний его внутреннего социума).

Отдельные интеллекты, которые изучают в рамках специальных исследовательских программ и процедур (в частности, тестологической парадигмы: лингвистический, музыкальный, логико-математический, пространственный, телесно-кинестетический и др. интеллекты), – можно рассматривать как выделяемые по определённым критериям составляющие процессов взаимодействия внутренних квазисубъектов лица, то есть как составляющие его интеллекта.

Контекст. Сравним предлагаемую трактовку интеллекта с наиболее распространёнными в психологической науке. Среди них – понимание интеллекта как способности рационально познавать, мыслить. В более широких интерпретациях интеллект рассматривают как систему умственных операций, как стиль и стратегию решения проблем, противопоставляя его другим «душевым способностям», таким как интуиция, воображение, воля, чувства. К наиболее общим – в методологическом пограничье психологического и философского знания – определениям интеллекта можно отнести «способность приспосабливаться, формировать и выби-

рать срьды» [28, с. 409]. Именно в таком, фундаментальном, плане методологически близкой сформулированному в тезисе принципу представляется, в частности, «теория функциональных систем» П. К. Анохина в целом и принцип саморегуляции как общий принцип организации таких систем – в данном случае социально-психологических (о подходах к изучению психологических и социальных уровней в контексте теории функциональных систем см. [22]). В том же методологическом русле, уже в наши дни, выстраивает уровни когнитивной организации и регуляции поведения – модель Grand Design – Б. М. Величковский [6, с. 271]. На верхних уровнях этой теоретической модели расположены «Релятивизация и перестройка концептуальной модели мира, саморегуляция/самоконтроль» и «Фиксация и дополнение концептуальной модели мира, речевая коммуникация», то есть познавательные функции рассмотрены как сложные, многоуровневые образования. Отмечу два, как представляется, важных момента. Первый: в каждой трактовке интеллект в той или иной мере связывают со знанием, не вдаваясь при этом в конкретизацию понимания последнего. Второй: исследователи интеллекта во многих случаях методологически непоследовательны, говоря о нём то как о психологическом механизме, то как о свойстве, обеспечиваемым такого рода механизмом.

Как сказано в комментарии к тезису, можно рассматривать по крайней мере два варианта проявлений интеллектуальной активности: возвращении процесса в устойчивое состояние и его видоизменение (формирование на его основе нового процесса). В том же смысле, надо понимать, высказывался и П. К. Анохин, отрицая идею *единственной* устремлённости биологических систем к своему предыдущему устойчивому состоянию (тогда всякое развитие было бы невозможным). В качестве критерия, по которому система «выбирает» тип реагирования на возмущения, он рассматривает результат (модель будущего оптимального состояния). Если оптимальным оказывается прежнее состояние, то система возвращается к нему, если нет – трансформируется.

Изоморфизм функциональных систем, по Анохину, можно трактовать, в том числе, и как возможность моделировать все взаимодействия по образцу социокультурных. Так, если рассматривать архитеконику биологической функциональной системы, то её составляющим можно сопоставить социально-психологические: «результату» – социальные представления членов группы о цели

и значении их объединения; «обратной афферентации результата» – групповую саморефлексию; «центр и исполнительные элементы» – руководство группы и специализацию её участников (о лидерах и руководителях во внутреннем социуме см. [14]).

Проявлениями интеллектуальной активности квазисубъектов в субкультурном пространстве являются как расширение области стереотипных взаимодействий (формирование более высоких уровней обобщения знаний, мыслительных стереотипов), так и обратные процессы: «разавтоматизации» систем знаний и стереотипов мышления для их последующего преобразования. Такая трактовка соотносима с рядом психологических и философских дискурсов. Тут можно сослаться и на принцип утраты элементами функциональной системы ряда степеней свободы (по П. К. Анохину [1]). И на трактовку творчества как метасистемного перехода, в результате которого происходит создание новых уровней управления и тем самым лишение действий нижних уровней их творческого характера [23]. О «разавтоматизации навыка», разрушении и перестройке форм мышления в процессе внутреннего и межиндивидуального диалога писал В. С. Библер [4]. В общем, интеллект как способность организовывать и реорганизовывать осознаваемое и неосознаваемое содержимое внутреннего мира человека рассматривали – под разными методологическими углами зрения – многие исследователи (из недавних я выделил бы дискурс М. А. Холодной об интеллекте как форме организации ментального опыта [25]).

Тезис 3. Квазисубъекты культурного пространство лица обладают интеллектом; внутренний социум – это коллективный интеллект

Комментарий. В предлагаемой трактовке интеллекта рассмотрено «пространственное» его распределение: каждое культурное пространство – внутреннее и внешнее – обладает интеллектуальными свойствами. Иначе говоря, мыслительные способности человека локализованы не только в пределах его организма, но и вне его – в культурных пространствах других людей. Для каждого конкретного лица интеллектуальная составляющая, как и вся его паракультурная сфера, обретает структурно-функциональное своеобразие в сотворчестве этого лица, с одной стороны, и носителей неких частей его *паракультуры*, с другой. Равно как и субкультурная сфера каждого лица формируется в сотворчестве с Другими. То есть каждый человек, знающий меня, становится носите-

лем части моих мыслительных способностей, участвует в их развитии и трансформациях, – а я являюсь носителем части их интеллектов и влияю на их изменения.

Интеллектуальными составляющими *субкультурного* пространства наделены все входящие в него культуры (как квазисубъекты, в том числе и рекурсивные Я). Следуя предложенной в [15] структуре, во внутреннем пространстве личности можно рассматривать соматические, бытовые, профессиональные, факультативные, этнические, исторические интеллекты. Формы кооперации внутренних квазисубъектов для осуществления интеллектуальных процессов могут быть разнообразны. В целом, интеллектуальные качества человека являются проявлением и следствием не только сформированности когнитивных процессов в каждой из субкультур, но и характера организации внутреннего социума, его гармоничности и функционирования.

В таком социально-психологическом контексте, в рамках предлагаемого подхода, можно рассматривать, в частности, и проблематику иерархичности/гетерархичности функционирования составляющих интеллекта. Он (как способность) *иерархичен* в том смысле, что образующие его внутренние квазисубъекты организованы иерархично (иначе социум не существует). Однако подобно тому как в человеческом социуме перманентно происходят изменения составов групп и их руководителей, так и во внутреннем социуме происходят подобные трансформации (вместе с изменением экзогенных или эндогенных факторов). Каждый квазисубъект на том или ином этапе интеллектуального процесса в принципе может какое-то время занимать позицию руководителя, и в этом смысле можно говорить о гетерархичности структуры интеллекта.

Контекст. Идея, сформулированная в этом тезисе, будучи логическим звеном развиваемого мной подхода, является одним из методологических воплощений высказывания Ю. М. Лотмана о возможности рассматривать культуру как коллективный интеллект и о его изоморфизме с интеллектом индивидуальным [13]. Правда, культуру он трактовал, как и большинство исследователей XX века значительно уже, чем это делают теперь, в том числе и как это сделано в данном исследовании. Тем не менее, в обоих случаях речь идёт об интеллекте как о способности культур(ы) создавать произведения, которыми в развиваемом мной подходе названы, в частности, *знания* (модели чего-либо уже существующего или могущего существовать в будущем).

Что касается вопроса о типе организации интеллектуальных процессов – иерархическом или гетерархическом, – то как в неврологии начала 20 в., так и нынешних когнитивных науках накоплено достаточно аргументов в поддержку как первого, так и второго типа. При этом гетерархическому типу уделяют всё больше внимания в последнее время: *когнитивные модули* Дж. Фодора и его трактовки архитектуры познания как множества параллельных и относительно автономных в функциональном отношении процессов; *нейронные ансамбли* Д. Хэбба и др. [5]. Отстаивая принципы гетерархического строения интеллекта, Б. Величковский отмечает, что нейрокогнитивное развитие протекает в социокультурном контексте, в своих высших проявлениях оно принимает форму внутреннего диалога с другими людьми, а о фундаментальной intersубъектности познания свидетельствуют, в частности, и новые исследования *социальной природы* функционирования многих мозговых механизмов [6]. Напротив, видный сторонник иерархической трактовки интеллекта Р. Штернберг в своей триархической теории определяет интеллект как форму ментального самоуправления, для описания структуры которого использует метафору *устройство государства* (см. в [25]).

Таким образом, не вдаваясь пока в детали (в том числе, принципиальных расхождений) современных трактовок строения и функционирования интеллекта, можно констатировать наличие методологической тенденции рассматривать его принципиальную социальность – внешнюю и внутреннюю. Поэтому сформулированный в данном тезисе принцип вполне отвечает не только логике построения заявленного подхода, но и разработкам в современной когнитивной науке.

Тезис 4. Онтологическая и психологическая рефлексия – это две формы интеллекта

Комментарий. Интеллектуальные способности по их направленности (объект приложения способности) разделены на две группы: способности к онтологической рефлексии; способности к психологической рефлексии.

Таким образом *психологическая* рефлексия процессов и состояний внутреннего социума содержательно-понятийно отделена от рефлексии *онтологической* (рефлексии бытия в целом и его отдельных проявлений) – интеллектуальных процессов, в которых объектами являются знания о мире.

Процессы психологической рефлексии совершаются в субкультурном пространстве лица в диалогах между квазисубъектами. В зависимости от **объекта рефлексии** (и, соответственно, тем внутренних диалогов) будем рассматривать:

реструктурирование внутреннего социума. Такая рефлексивная активность связана: с пополнением состава внутреннего социума новыми квазисубъектами, содержательным (структурно-функциональным) обогащением или обеднением существующих, с заменами руководителей, лидеров и др.;

нормализацию, координацию и дискоординацию. Эндогенные и экзогенные факторы вызывают изменения в формах и динамике внутренних взаимодействий квазисубъектов, что проявляется в изменении состояний внутреннего социума. Реакцию последнего будем рассматривать по трём типам стратегий. В рамках стратегии *нормализации* внутренний социум нейтрализует последствия воздействий (например, необходимо успокоиться, чтобы избежать нервного срыва). Стратегия *координации* необходима для временного изменения состояния (например, когда актёр на время выступления «входит в роль», он должен координировать своё состояние с состояниями партнёров, с состояниями, замысленными для исполнителей авторами художественного произведения и т.д.). В процессе *дискоординации* внутренний социум временно изменяет своё состояние, чтобы активно противостоять воздействиям (например, в экстремальной ситуации не поддаваться панике окружающих, а мобилизовать свои психологические и физические ресурсы, действовать рационально и эффективно);

реконструкции свойств рекурсивных квазисубъектов. Это процессы внутренних диалогов, тематически ориентированных на поиски ответов на вопросы: «каков Я в представлении лица N?», «каково лицо N в представлении лица M?» и т. д. (Я, N, M – внутренние квазисубъекты);

саморефлексию – анализ, реконструирование и конструирование субкультурного Я-пространства. Квазисубъект Я формируется в диалогах с другими квазисубъектами внутреннего социума, как правило он занимает доминирующие социальные позиции во всех интеллектуальных процессах, в том числе саморефлексивных (доминирование в последних влечет за собой определенную и неизбежную долю субъективности результатов самоанализа). В процессах саморефлексивного *анализа* совершается категоризация составляющих внутреннего квазисубъекта Я (в том

числе, «Я как взрослый человек, профессионал, гражданка, женщина» и мн. др.). Важной составляющей саморефлексии, источником получения данных о себе является *реконструирование* рекурсивных Я, присутствующих во внутреннем социуме: «Я в представлении лиц N, M, ...». На основе результатов категоризации составляющих Я-пространства и реконструкции рекурсивных Я происходит *конструирование* желательных и редуцирование нежелательных свойств субкультурного Я-пространства;

ретроспективный анализ и проспективное конструирование, коррекцию актуальных межиндивидуальных взаимодействий. Формы и динамика активности лица в микро- и макросоциальных группах являются реализациями согласований между квазисубъектами внутреннего социума.

Онтологическая рефлексия – трансформирование знаний о мире – это процессы, которые, как правило, относят к классу интеллектуальных. Многоуровневые структурно и функционально, такие процессы, будем полагать, проявляются:

в творении и трансформациях концептуальных моделей мира и его составляющих: к этой категории отнесём интеллектуальные процессы, связанные с обретением знаний, которые получены лицом во всех предметно-научных и художественных областях в результате систематического и самостоятельного образования, профессиональной, факультативной, бытовой и др. сферах жизнедеятельности лица (см. трактовку соответствующих субкультур лица в [15]). Распределение таких знаний и функций – распределение как интеллектуальные действия – между квазисубъектами субкультурного пространства связано с особенностями строения последнего, в том числе с объёмом деперсонализированных знаний (см. Тезис 1), а также состояниями внутреннего социума: к примеру, в состояниях внутренних конфликтов некоторые квазисубъекты как носители знаний могут быть игнорированы остальной частью субкультурного сообщества;

в формировании и трансформации средств коммуникации: знания о мире в субкультурном пространстве лица формируются и преобразуются исключительно во взаимодействиях – внутренне-и внешне-социальных. Это диалогические взаимодействия (то есть семиотически опосредованные, протекающие в схематизмах диалогов), для осуществления которых необходим тезаурус освоенных – семантически определённых, в том числе осмысленных – знаков и типов диалогов различных модальностей.

Конечно, при более детальном анализе рефлексивных диалогических процессов необходимо рассматривать их типологии также и по другим признакам классификации, например: по составу участников и их социальным позициям в диалогах, по типам динамики протекания диалогов и их модальностям, по продолжительности и мн. др. Особый интерес представляет возможность трактовки интеллекта как способности решать *задачи* (в общем системологическом определении последних). По крайней мере для процессов, отнесённых здесь к онтологической рефлексии, такой переход наиболее очевиден – способность решать задачи, связанные со знаниями о мире, уже давно рассматривают как наиболее отчётливое проявление интеллектуальных способностей как в профессиональной деятельности, так и при тестировании умственных способностей. Методологически задачную трактовку в данном случае нетрудно обосновать: если знания – это модели систем, то и сами они являются системами; трансформация знаний – это процесс преобразования *исходного* состояния системы (предмета задачи) в *желаемое*, такое изменение и можно трактовать как *процесс решения задачи*. Для его осуществления необходимы интеллектуальные способности активной системы (решателя), которая (ый) и совершает описываемые действия. В развиваемом мной подходе задачная трактовка интеллектуальных действий привлекательна тем, что есть возможность использования – после соответствующего концептуально-терминологического согласования – материалов из смежных областей знания и научных дисциплин: теории алгоритмов, теории задач, теории решения изобретательских задач и др.

Не менее оправданным, чем в анализе онтологической рефлексии, представляется использование задачной методологии также для трактовки рефлексии психологической. Любую, в частности из перечисленных выше её форм, можно представить как решение задачи, компонентами которой являются исходное и желаемое состояние системы (в данном случае – знания о внутренней социальной организации, о квазисубъектах, рекурсивных Я и др.).

Контекст. В полифонии философских и научных дискурсов относительно содержания понятия *рефлексия* проявляется общий недостаток научного знания: использование одних и тех же терминов в существенно различных содержательных интерпретациях. В наиболее распространённое в современной науке содержание этого понятия, как правило, вкладывают осознаваемость психичес-

ких процессов и сознательное управление ими. Неслучайно (как отмечено относительно этого понятия в [26]) теперь происходит его «вытеснение» термином *интроспекция*: «Интроспекция – это то же, что и локковская рефлексия» [27, с. 358]. В самом широком смысле о рефлексии можно говорить как об осознаваемых актах мышления и осознании самого этого осознания (рефлексия второго и более высоких порядков). Осознание чего бы то ни было – это умственный процесс, для осуществления которого необходимы умственные способности, то есть интеллект. Идея различать в процессах рефлексии акты сознания, направленные и на собственный внутренний мир, и на свои знания о мире внешнем не нова: существуют референции, в частности, на идею Д. Райнери о двух типах рефлексии – онтологической и психологической (см. [16]). К первой он относил способность пребывать в логике содержания знания, ко второй – пребывать в логике своих состояний. Такой методологический ход поддержан и в настоящем тезисе с существенным дополнением в части трактовки рефлексии как в принципе интеллектуального процесса.

Отмечу, что популярные ныне среди отечественных исследователей математические модели рефлексии, разработанные В. Лэффевром, основаны на её трактовке как способности систем строить модели себя и одновременно видеть себя, строящими такие модели (см. [12] и др.), относятся – в принятой мной терминологии – к моделям *психологической* рефлексии различных рекурсивных порядков.

В предлагаемой типологии психологической рефлексии в целом сохранены достаточно распространённые принципы её категоризации (см., например, [17], [21]) – разделение на коллективные и индивидуальные формы: в первых выделяют кооперативные и коммуникативные составляющие, а во вторых – личностные и интеллектуальные. Представления о психологических механизмах теоретического мышления связывают как раз с интеллектуальной формой рефлексии, в чём проявляется тенденция к методологическому дрейфу в сторону более широкой её трактовки, вариант которой я и предлагаю. Содержательно близка такому пониманию и идея рассматривать рефлексию в качестве *механизма развития самоорганизующихся систем*, при помощи которого происходит, в том числе, и порождение новых идей [16].

Притом что такая важная ветвь системологии как общая теория задач до сих пор недостаточно оформлена концептуально и

понятийно-терминологически (несмотря на постоянный высокий спрос со стороны профессионалов сферы образования), даже существующие в этой области общие положения представляются полезными в создании, в том числе, психологических подходов. Как отмечено в комментарии, интеллектуальный процесс преобразования знаний можно рассмотреть в схематизме решения задачи, воспользовавшись общими положениями теории задач Г. А. Балла [2]. Речь идёт о выделении систем, представляющих собой задачи, и систем, обеспечивающих их решение; при этом должны быть учтены качественные и количественные характеристики выделенных задач, средства и способы их решения. Решение задачи определено как «воздействие на предмет задачи, обуславливающее ее переход из исходного состояния в требуемое» [там же, с. 34]. При использовании задачного метода в рамках психологического подхода важным является также и трактовка задачи как совокупности цели лица (в этом случае – решателя) и условий, в которых она дана – на основании учёта наряду со структурными также и функциональных свойств, что принципиально важно для «отнесённых задач», типология которых построена с учётом психологических характеристик решателя.

Тезис 5. Знания, модели – это произведения культурного пространства лица

Комментарий. Знания, модели и произведения культурного пространства лица – один и тот же эпистемологический объект, рассмотренный в различных методологических ракурсах: как *знания* это процессы и результаты познавательной активности лица, составляющие его индивидуального опыта; как *модели* – процессы и результаты трансформации знаний, в той или иной мере они соответствуют (обладают структурным сходством) элементам внешнего и внутреннего мира лица; как *произведения* – процессы и результаты активности квазисубъектов субкультуры лица (активной системы, создающей произведения). Иначе говоря, рассматриваемые процессы как знания составляют тезаурус лица; как модели они вторичные по отношению к первичным структуры; как у произведений у них есть авторы, их используют другие авторы (другие лица) или те же самые для создания новых произведений.

В рамках принятых в развиваемом подходе методологических принципов творение произведений в субкультурном простран-

стве лица происходит в формах, аналогичных тем, в которых создают свои произведения социальные группы людей. Одно и то же лицо попеременно или одновременно участвует в коллективном творчестве в составе различных объединений, занимая в них различные социальные положения и внося больший или меньший свой вклад. Подобным образом, будем полагать, различаются и формы участия квазисубъектов (в том числе, квазисубъекта Я) в субкультурном творческом процессе.

Внутренние квазисубъекты создают свои произведения в кооперации, в том числе межиндивидуальной, – в произведениях субкультур и внутреннего социума в целом с той или иной полнотой воплощены все знания лица о мире и о себе. Как знания лица, как *модели* фрагментов мира и себя, произведения внутреннего социума существуют преимущественно в двух формах: идеальной и материальной (как когнитивные и нервные процессы), но некоторые – и в материализованной – т. н. произведениях материальной культуры. (Согласно данной трактовке всё, что принято относить к произведениям искусства, науки и техники, можно рассматривать и как фрагменты знаний человека о мире и о себе).

Составляющие паракультурной сферы пространства лица (локализованные в субкультурных сферах Других) принимают участия в творчестве в качестве «рекурсивных Я» (см. выше). То есть я, создавая то или иное произведение, учитываю и представление обо мне, которое я предполагаю у своих партнёров по внутреннему творческому процессу (например, как поймут мои знакомые замысел моего произведения) и корректирую свою творческую деятельность.

Все новые произведения – как и знания, модели, см. выше – являются модификацией уже существующих в общем фонде субкультуры лица произведений, сотворённых в процессах онтологической и психологической рефлексии – *формировании знаний о себе происходит с использованием (на основе) знаний о мире, и наоборот*. Разнообразие произведений связано с – и зависит от – разнообразием форм участия лица в социокультурных процессах, причём как конструктивных, так и деструктивных.

Произведения культуры сочетают в себе и качества, способствующие устойчивости функционирования внутреннего социума, и те, которые обеспечивают его динамику. Так, функции социальной памяти, преемственности традиций, в том числе способов деятельности, в культурном пространстве лица обеспечивают агенты

его внутреннего социума как носители соответствующих культурных форм; участвуя, в рамках внутренней специализации и кооперации, в создании нового, эти агенты обеспечивают динамику данного культурного пространства – его развитие, стагнацию или деградацию. Развитием культурного пространства лица будем считать: а) расширение этого пространства за счёт увеличения состава внутренних субъектов, а также числа Других, во внутреннем мире которых данный субъект представлен (т. е. расширение состава суб- и паракультур); б) совершенствование произведений, создаваемых в данном пространстве. Выражение «богатство внутреннего мира» в рассматриваемом контексте следует понимать как обширность персонального состава внутреннего социума и значительное число произведений, в нём создаваемых.

Контекст. В представлении знаний как произведений, создаваемых в многосоставном субкультурном пространстве лица, в сущности объединены несколько существующих направлений исследований: онтогенез когнитивных способностей, изучение совместной деятельности, психология творчества и др. Общим и главным в этих направлениях является согласованный характер активности агентов – и в процессе познания (как в период обучения, так и в профессиональной деятельности), и в ходе художественного, научного и технического творчества и в других процессах. Отмечу, что если познание, творчество или любой другой вид сознательной активности человека, как правило (хотя и достаточно условно) разделяют на индивидуальное и коллективное, то в контексте идеи и принципов развиваемого мной подхода любая форма – по крайней мере осознаваемой – активности лица является коллективной (социальной, совместной) ввиду социального строения и функционирования его внутреннего мира. Для более детального описания этих процессов в дальнейшем вполне применимы выделенные в рамках социально-психологических исследований черты *совместной деятельности* – разумеется, после методологической адаптации последних к принципам трактовки культурных пространств лица. В числе её основных черт выделяют, в частности: наличие единой цели, отвечающей общим интересам и способствующей реализации потребностей каждого из участников; наличие органов организации и руководства; разделение творческого процесса между участниками, обусловленное характером цели, средств и условий ее достижения, составом и уровнем квалификации исполнителей; возникновение в совместной деятельности спе-

цифических отношений между квазисубъектами и влияние этих отношений на общий результат (см., например, в [9], [19]).

Роль рассмотренных как *произведения субкультуры* моделей/знаний в характере динамики внутреннего социума вполне уместно сопоставить и с трактовкой Г. А. Баллом двух основных функций культуры. Он рассматривает её репродуктивно-нормативную и диалогически-творческую функции в жизнедеятельности человечества, человеческих сообществ и отдельных людей [3]. В комментарии к тезису идея сочетания в культуре нормативности и изменчивости конкретизирована несколько иначе – на основе принципов описания структуры и функционирования субкультурных пространств лица.

Заключение. Необходимо отметить, что развиваемый в этой работе и культурно-диалогический подход к изучению внутреннего мира человека в его исходных положениях согласован с парадигматикой интегративно-личностного подхода и может быть рассмотрен в качестве субъектно-диалогической версии последнего. В частности, понимание личности как системного свойства культурного пространства лица – в культурно-диалогическом подходе – методологически близко пониманию её как системного качества лица и как модуса культуры – в подходе интегративно-личностном [3]. На этой концептуальной основе и были в этой статье изложены основные принципы описания структуры и функционирования интеллекта – одной из составляющих личности. Для выполнения такой работы были предложены версии содержательной интерпретации ряда широко используемых в психологии и философии, но различно трактуемых, понятий: *знание, интеллект, рефлексия*. Каждое из них получило такое содержание, которое, с одной стороны, не противоречит существующим, и при этом позволяет использовать его в рамках концептуально аппарата культурно-диалогического подхода, с другой. В результате были сформулированы следующие тезисы.

Тезис 1. Знания (лица) – это стереотипные диалогические взаимодействия в пределах его культурного пространства, модели его внешнего и внутреннего мира.

Тезис 2. Интеллект – это способность трансформировать знания.

Тезис 3. Квазисубъекты культурного пространство лица обладают интеллектом; внутренний социум – это коллективный интеллект.

Тезис 4. Онтологическая и психологическая рефлексия – это две формы интеллекта.

Тезис 5. Знания, модели – это произведения культурного пространства лица.

Наконец, возвращаясь к современным философским дискурсам по проблематике знания, я бы выделил следующее высказывание И. Т. Касавина: «Общие представления о конкретных формах и типах знания и познания обретают плоть и кровь лишь тогда, когда понимаются как интегральные измерения человека, которые вместе с тем обнаруживают себя как эволюционирующие общественные функциональные подсистемы, находящиеся в состоянии сложного взаимодействия с такими же подсистемами деятельности и коммуникации» [10, с. 82]. Полагаю, изложенные выше принципы интерпретации интеллекта в культурном пространстве лица концептуально и методологическим вполне соответствуют намеченной в этом высказывании программе многомерного антропологического анализа и моделирования когнитивных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975. – С. 17-62.
2. Балл Г. А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
3. Балл Г. О. Інтегративно-особистісний підхід у психології: впорядкування головних понять. // Психологія і суспільство – 2009, №4 – С. 25-53.
4. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 413 с.
5. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. – Т.1 / Б. М. Величковский. – М.: Смысл, 2006. – 448 с.
6. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. – Т. 2 / Борис М. Величковский. – М.: Смысл, 2006. – 432 с.
7. Гутнер Г. Б. Знание как событие и процесс. // Что значит знать? Сборник научных статей / Отв. ред. Гутнер Г.Б., Катречко С. Л.. – М.: «Центр гуманитарных исследований», 1999. – С. 46-59 с.

8. Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
9. Донцов А. И., Дубовская Е. М., Улановская И. М. Разработка критериев анализа совместной деятельности. // Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 61-71.
10. Касавин И. Т. Что недостаточно знать о знании. // Эпистемология & философия науки. – 2009 – Т. XXI, № 3 – С. 81-84.
11. Катречко С. Л. Знание как сознательный феномен. // Что значит знать? Сборник научных статей / Отв. ред. Гутнер Г. Б., Катречко С. Л.. – М.: «Центр гуманитарных исследований», 1999. – С. 60-99.
12. Лефевр В.А. Рефлексивный агент в группе. // Рефлексивные процессы и управление – №. 1, –Т. 7, – 2007. – С. 102-116.
13. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. // Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – С. 557-567.
14. Медінцев В. О. Внутрішній соціум індивіда: суб'єктно-діалогічний підхід. / Владислав Медінцев // Соціальна психологія, – 2007, – №6 (26) С. 17-31.
15. Медінцев В. О. Категорія „культура” у розбудові діалогічного інтегративного підходу до вивчення особистості. / Владислав Медінцев // Соціальна психологія. – 2008. – №5. – С. 23-38.
16. Мириманова М. С. Рефлексия как механизм развития самоорганизующихся систем. // Развитие личности. – №1. – 2001. – с. 49-66.
17. Рефлексивные процессы и управление. // Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007г., Москва / Под ред. В. Е. Лепского – М.: «Когито-Центр», 2007. – 136 с.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000 – 712 с.
19. Совместная деятельность: методология, теория, практика. // Отв. ред.: А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. – М.: Наука, 1988. – 229 с.
20. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.

21. Степанов С. Ю., Семёнов И. Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования. // Вопросы психологии. – №3. – 1985. – С. 31-41.
22. Судаков К. В. Системное построение функций человека. – М.: ИНФ им. П. К. Анохина РАМН, 1999. – 24 с.
23. Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. – Изд. 2-е. – М.: ЭТС, 2000. – 368 с.
24. Флорес, Ц. Память. // Психология памяти: Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова – М.: ЧеРо. – 2002. – С. 583-615.
25. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – СПб: Питер, 2002. – 272 с.
26. Runes, Dagobert D. (ed.). Dictionary of Philosophy. – New York: Philosophical Library. – 1942. – 343 p.
27. The Blackwell Dictionary of Western Philosophy / Edited by Nicholas Bunnin and Jiyuan Yu. – Malden, MA: Blackwell Pub., 2004. – viii, 766 p.
28. The MIT encyclopedia of the cognitive sciences / edited by Robert A. Wilson, Frank C. Keil. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 964 p.